

Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: А. Эфрос

© 2020, Р.Д. Тименчик

Еврейский университет, Иерусалим, Израиль

Аннотация: Статья из авторского цикла «Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой», открывающая пятый десяток в ряду подобных ей, демонстрирует опыт экстенсивного комментария к ахматовским рабочим записям, организованного вокруг имен персонажей, занесенных на страницы ее блокнотов, своеобразной вольной ахматовской энциклопедии, где в ономастиконе совмещены разные времена ее долгой жизни. Комментарий такого рода выхватывает репрезентативные фрагменты эпохи Ахматовой, но степень присутствия разных персон в именнике и их отсутствие, не всегда отражают их вес в ахматовской биографии. Данная статья посвящена искусствоведу, поэту, пушкинисту Абраму Эфросу.

Ключевые слова: Анна Ахматова, А.М. Эфрос, комментарий, записные книжки, биографика.

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик — кандидат филологических наук, профессор, Еврейский университет, НУJI, Иерусалим 91904, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com

Для цитирования: Тименчик Р.Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: А. Эфрос // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 292–303. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-292-303>

Эфрос Абрам Маркович (1888–1954) — поэт, искусствовед. Упомянут на страницах записных книжек только единожды — как редактор однотомника Поля Валери, из которого Ахматова сделала выписку: «Поль Валери. Кризис духа. П. Валери. Избранное. Под редакцией Абр<ама> Эфроса. М., Гослитиздат, 1936, стр. 78. *Запись другой рукой*» [4, с. 276].

Знакомы они, по-видимому, с конца 1922 г. — см. инскрипт на «Белой стае» (Пб., 1922): «Абраму Эфросу память встречи Ахматова. 14 декабря 1922. Петербург»; на контртитule выписано:

.....
Когда Приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница
Не знала, кто берет ее...

.....
1917. Осень
Петербург [2, с. 168]

Вероятно, к этой же встрече относится и надпись на фотопортрете Ахматовой работы М.С. Наппельбаума:

Абраму Эфросу – Анна Ахматова
с приветом
1922¹.

Ср. записи К.Чуковского в связи с его посещениями — 15 декабря 1922 г.:

Разговор вертелся около Москвы. Ахматовой очень хочется ехать в Москву — но она боится, что будет скандал, что московские собратья сделают ей враждебную манифестацию. Она уже советовалась с Эфросом, тот сказал, что скандала не будет, но она все еще боится. Эфрос советует теперь же снять Политехнический Музей, но мне кажется, что лучше подождать и раньше выступить в Худ <ожественном> Театре;

и от 23 декабря 1922 г.:

¹ НИОР РГБ. Ф. 589. Карт. 29. Ед. хр. 10.

Эфрос готовится теперь все для встречи Анны Ахматовой в Москве. Ее встретят колокольным звоном 3-го января (она со <П.Е.> Щеголевым выезжает 2-го), Эфрос пригласил ее жить у себя.

— Но не хочется мне жить у Эфроса. По наведенным справкам, у него две комнаты и одна жена. Конечно, было бы хуже, если бы было наоборот: одна комната и две жены, но и это плохо.

— Да он для вас киот готовится, — сказал <А.Н.> Тихонов. — Вы для него икона...

— Хороша икона! Он тут каждый вечер тайком приезжал ко мне...

Тихонов, смеясь, рассказал, как Эфрос условился с ним пойти к Анне Андреевне в гости и не зашел за ним, а отправился один, «а я ждал его весь вечер дома».

— Вот то-то и оно! — сказала Ахматова [19, с. 60, 63–64].

Ранее, в конце 1921 г., Эфрос планировал участие Ахматовой в создававшейся им группе «Лирический круг»². Альманах этой группы, включавший стихотворение «близкой к акмеизму Ахматовой»³ «Я с тобой, мой ангел, не лукавил» (написанное, по-видимому, как загробный монолог Н. Гумилева), подвергся желчной критике Георгия Иванова: «Липскеров, Гроссман, Соловьев и Эфрос — дали программные статьи. Они пошлы и беспомощны. Стихи не лучше. Порнография Эфроса, впрочем, как курьез, забавна. <...> Вывод из прочтения книжки следующий: тупицы и бездарности в искусстве всегда одинаково противны, толкуют ли они о классицизме или выступают в роли потрясателей основ. Каким-то образом в альманах затесались А. Ахматова, Мандельштам и Ходасевич»⁴. Критика эта в свою очередь вызвала одергивание Нины Берберовой: «Иванов пытается говорить о том, что лежит вне его понимания. <...> ничем не оправдана критика “Лирического круга” и “Скифов” Блока (“посредственные ямбы”))»⁵. Точно оценил зазор между программной статьей А. Эфроса и стихами сборника будущий видный советский литературовед Исаак Григорьевич Ямпольский в отзыве в киевском еженедельнике: «Но не участникам сборника создать то классическое искусство, о котором они мечтают. Об этом говорит нам

² См. подробнее в связи с отзывом Л.Д. Троцкого об одноименном альманахе: [13, с. 602–603].

³ Горнунг Б. <Рец. на:> Лирический круг. 1. М., 1922 // Гермес. 1922. № 1. С. 150.

⁴ Иванов Г. Почтовый ящик // Цех поэтов. Берлин, 1923. Кн. 4. С. 69.

⁵ Ивелич <Берберова Н.Н.> <Рец. на:> Цех поэтов. Кн. 4-ая. Берлин: Трирема, 1923 // Современные записки. 1924. Кн. XIX: Критика и библиография. С. 431–433.

художественная часть сборника. Почти все имена знакомы нам, это — А. Ахматова, В. Ходасевич, С. Соловьев, С. Парнок, А. Глоба, Ю. Верховский, О. Мандельштам и др. Характерно, что и за несколько лет до войны, когда, по словам А. Эфроса, уже чувствовалась ломка всего мира, они были ведь не с футуристами, выразителями этой ломки в искусстве. И в будущем, когда опять явятся нарушители канона, новые писатели, они отнесутся к ним, верно, очень и очень подозрительно. В их классицизме нет того синтеза всех достижений последнего времени, о котором они говорят» [10, с. 256].

Предположительно Эфрос также привлек тогда Ахматову к другому московскому альманаху, о котором рецензент писал: «Стихи — Сологуба, Кузмина, Ходасевича, Ахматовой — приятны, но внимания особенного не приковывают. Они как-то дополняют, завершают общее впечатление от книги. Это впечатление <...> можно выразить словами: концы без начал (заглавие статьи А. Эфроса, помещенной в сборнике). Концы — старой мысли, старой поэзии... Начал — начал новых — нет в ней»⁶.

В 1924 г. Ахматова и Эфрос — участники журнала «Русский современник»; возможно, к каким-то перипетиям редакционных разногласий отсылает надпись на фотографии, запечатлевшей Ахматову у фонтана «Молочница» в Царском Селе: «Абраму Марковичу / Эфросу / на память о “борьбе за Ахматову”» / 1925» [16, с. 32 / 33].

Рассказ Ахматовой об одной из встреч зафиксирован дневником П.Н. Лукницкого:

«А. Эфрос, будучи в Париже, прочитал какую-то хвалебную статью А. Левинсона на франц<узском> яз<ыке> об А.А. Поэтому, встретив ее у Замятиных 1.IV.<19>28, он льстил ей тошнотворно; между прочим говорил: “Вы, конечно, знаете эту статью?”. А.А. этой статьи не знает, не интересуется ею» [7, с. 471–472]⁷.

Парижская поездка Эфроса освещалась в советской печати:

А.М. Эфрос – известный критик искусства, видный деятель московских писательских объединений. В прошлом он — символист, влиятельный сотрудник «Аполлона», воспитанник и участник

⁶ *Стрелецкий М.* <Столяров М.> Концы без начал [<Рец. на:> Шиповник. Сборник 1 // Россия. 1922. № 3. С. 29. В альманахе «Шиповник: Сборники литературы и искусства» под редакцией Ф. Степуна были напечатаны стихотворения Федора Сологуба «Зыбкой радостью земною...», Михаила Кузмина «Мне не горьки нужда и плен...», «Живется нам неплохо...», «Утраченного чародейства...», Ахматовой «Как люблю, как любила глядеть я...», Владислава Ходасевича «Леди долго руки мыла...», «Ни розового сада...», «Перешагни, перескачи...».

⁷ Речь идет о статье А. Левинсона «Анна Ахматова — Русская Марселина» (см. нашу вступительную заметку к переводу ее на русский язык И. Стаф: [5]).

художественных группировок, которые считали, что «искусство — украшение жизни», которые отрицали связь этого искусства с общественностью.

Революция в достаточной мере потрепала эту идеологию. Но, оказывается, чтобы окончательно от нее отделаться, А.М. Эфросу надо было... съездить в Париж. Так, по крайней мере, он сам рассказывал вчера в «Обществе друзей книги».

Париж — общепризнанный «центр мировой культуры», бесспорная «столица чистого искусства». Как же не стремиться под беспечную сень его Академий, под согревающие лучи парижских писательских светил российскому интеллигенту, уставшему от московской жизни, «полной сложности и ответственности», от жизни, где «каждый день приходится напряженно задумываться над крупнейшими жизненными проблемами» (??). Российский интеллигент едет в Париж, живет там месяц, полтора, два, но... искомого Парижа не находит.

Оказывается: литературного Парижа, как чего-то единого, самодовлеющего и замкнутого в самом себе нет, — а, может быть, и никогда не было, — в помине. Литераторы Парижа дифференцированы, все писатели, не исключая тех, кто создает изысканнейшие произведения искусства, разбиты на группировки, живут напряженной общественной жизнью. Более того, российский интеллигент узнает, что «для того, чтобы получить значимость, французскому писателю надо примкнуть к какой-нибудь общественной группе». И тут-то из символиста интеллигент становится... марксистом.

— Когда все это мы слышим в Москве, — говорит А.М. Эфрос, — мы на словах как будто соглашаемся с этим, — но, в сущности говоря, реагируем на это, как на... политграмоту, рассматриваем это, как... нечто скорее желаемое, чем реальное. В Париже эта политграмота облекается плотью и кровью. Ее реальность видна воочию. В Париже А.М. Эфрос, по его словам, «излечился от многих болезней». Сидя в Москве, он восхитился пестротой и разноголосицей французской печати. Эту пестроту он возводил к различию свободно высказываемых и спорящих между собой мнений. Нужно же было А.М. Эфросу застать в Париже момент антисоветской кампании, когда все эти оттенки сразу ступевались, и «как бы по дирижерской палочке» почти все газеты начали требовать разрыва с СССР «чуть ли не в одних и тех же выражениях!». <...> А.М. Эфрос высказывал много и других, казалось бы, азбучных истин насчет буржуазной печати и литературы, но произнесенные в среде такой ультраинтеллигентской организации, как «Общество Друзей книги», его слова

производили на слушателей... потрясающее впечатление. Ведь это же говорил не приглашенный «оратор со стороны», это был «свой» докладчик, который все это «видел сам»⁸.

В 1930 г. он привлек Ахматову к переводу писем П.П. Рубенса, и связанный с историей издания этой книги поход с Эфросом в ресторан запомнился Ахматовой остроотой Виктора Шкловского, который «решился доставить себе удовольствие и, перефразируя известный бабелевский афоризм, проговорил: “Абрам может пригласить русскую женщину в ресторан, и она останется им довольна”» [10, с. 206]. На книге «Петр Павел Рубенс. Письма. Перевод А.А. Ахматовой. Редакция и предисловие А.М. Эфроса. М.; Л., 1933» существует якобы ахматовский инскрипт 1945 г., учиненный незабвенным почерком покойного М.М. Кралина⁹. Свидетельством следующего, не состоявшегося проекта является телеграмма к Эфросу (1933 г.?): «Немедленно высылайте Ван Гога = Ахматова»¹⁰.

Возможно с этим (но также и с дружескими коллегияльными отношениями Н.Н. Пунина и Эфроса) связаны последующие встречи: в 1934 г. жена С. Клычкова встречала у Мандельштамов «Эфроса, который приходил к Анне Андреевне» [13, с. 216]. Издание писем Ван-Гога вышло в свет в 1935 г. в издательстве «Academia» в переводах Н.М. Щекотова.

В пору ежовщины Эфрос с его постоянной социальной подвижностью не мог не вызывать интереса охранки, например, подследственный Леопольд Авербах (которого, между прочим, современники определяли: «Л. Авербах — Абрам Эфрос в молодости» [14, с. 476]) признавался в заявлении Н.И. Ежову:

Ведь я считал для себя вполне возможным, приезжая из-за границы, привезти с собой какие-либо эмигрантские или троцкистские издания, хранить их совершенно открыто, считать естественным, что они у меня имеются и что я могу ими пользоваться. Однажды даже Эфросу я дал белый альманах «Числа» – альманах не политический, а только литературный, свидетельствующий ярчайшим образом о разложении эмиграции и ее упадочничестве, но не в этом суть

⁸ Кут<ачевский> А. Интеллигент, который сообразил... (На докладе А.М. Эфроса в «Обществе друзей книги») // Вечерняя Москва. 1927. 31 декабря.

⁹ Библиофильский венок Анне Ахматовой: К 125-летию со дня рождения: Автографы в собрании М. Сеславинского / [Авт.-сост. М. Сеславинский]. М.: Про книги: Журнал библиофила, 2014. С. 114.

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 589. Карт. 10. Ед. хр. 2.

дела, важно, что это — эмигрантское издание. Я считал, что вполне достаточно моего доверия к человеку для того, чтобы разговаривать с ним, о чем я сочту нужным, иногда явно не проводя грани между дозволенным и недозволенным, между общеизвестными фактами и секретными. При моем неумении разбираться в людях это могло носить преступный характер [3, с. 485–486].

Эфрос был выслан в Ростов Великий на три года, о чем Ахматова сообщала мандельштамовскую остроту: «...когда в Москву приехал Андре Жид, Эфросу предложили или поручили сопровождать знаменитого писателя; вернувшись во Францию, Жид написал о Советском Союзе не то, чего здесь от него ждали, и Эфроса сослали, но “времена были еще вегетарианские”, он легко отделался, попал в Ростов Великий, сравнительно недалеко — на что Мандельштам сказал: “Это не Ростов — великий, это Абрам — великий”» [10, с. 205–206]. О встрече с ним в 1938 г. вспоминала Н.Я. Мандельштам: «Он побледнел, узнав про арест О.М., — ему только что пришлось отсидеть много месяцев во внутренней тюрьме. Он был едва ли не единственным человеком, который отделался при Ежове простой высылкой. О.М., услышав за несколько недель до своего ареста, что Эфрос вышел и поселился в Ростове, ахнул и сказал: “Это Эфрос великий, а не Ростов”... И я поверила мудрости великого Эфроса, когда он посоветовал мне не селиться в Ростове: “Уезжайте, нас здесь слишком много”...» [9, с. 325].

Ссыльная Анна Баркова писала из Ростова Великого 14 июня 1940 г.: «Познакомилась я здесь с Абрамом Эфросом, переводчиком и искусствоведом. Как он из Москвы попал сюда, надеюсь, понятно без слов. Он печатается, этим и живет, и говорит, что печататься можно» [1, с. 56].

Ахматова встретила с ним в эвакуации в Ташкенте [18, т. 1, с. 377–378]. Документами их встреч остались стихотворения и фрагменты Ахматовой, внесенные Эфросом в подборку «Стихи, не вошедшие в ее книги», датированную 25 апреля 1945 г., инскрипт на ташкентском сборнике «Стихотворений»: «Абраму Марковичу Эфросу на память об Анне Ахматовой. 7 июня 1943. Ташкент»¹¹ и оторванная от чего-то подпись: «13 февраля 1943 г. Анна Ахматова»¹². Наконец, он был слушателем «Поэмы без героя» — Ахматова говорила тогда Чуковской: «Эфрос, Липскеров, Шервинский и другие эстеты противопоставляли меня Пастернаку, Мандельштаму

¹¹ Фотокопия титула: НИОР РГБ. Ф. 589. Карт. 29. Ед. хр. 10.

¹² НИОР РГБ. Ф. 589. Карт. 12. Ед. хр. 3.

и считают, что теперь, изменив кларизму, я сбилась с пути? Так вот, Эфрос тут говорил Цявловскому, что поэма моя связана с Пастернаком!» [18, т. 1, с. 382].

11 июня 1955 г. Лидия Чуковская записала: «Излагая в “Письме” мнение о “Поэме” Абрама Эфроса (по “Письму” он — “Х.”), Анна Андреевна теперь развила его слова, выделила, удлинила; говорит — специально призывала к себе Штока и допрашивала с пристрастием» [18, т. 2, с. 139–140]. В 1971 г. пишущему эти строки И.В. Шток рассказывал, что при нем поэма читалась супругам Городецким и Эфросу, с которым у Ахматовой были сложные взаимоотношения. Последний сказал по поводу образа Судейкиной: «Вы сводите счеты с покойниками», на что Ахматова ответила: «Боже мой, неужели я буду сводить счеты с покойниками».

В 1946 г. в справке, составленной госбезопасностью, среди «связей» Ахматовой наряду с Пастернаком, Эренбургом, Берггольц, Кетлинской назывался Эфрос¹³.

В 1950–1954 гг. он, как формалист, антимарксист и космополит, был удален из Москвы в Ташкент, где был профессором искусствоведения в институте театрального искусства им. А.Н. Островского. В неведении о его судьбе старый друг вспоминал о нем:

Это просто интеллигент, быстрый, многоречивый и предприимчивый, с тонким, изящным лицом, большими глазами, в бархатной артистической куртке — свой человек, не примитив, его дружески звали “Бам”, он всегда в хлопотах, что-то устривает, читает и пишет, увлечен искусством и литературой (у меня сейчас в руках его книжечка «Автопортреты Пушкина», 1945 год).

— Ах, БамБам, отчего не выслали вас в 22 году вместе с профессорами, писателями в Германию? Были бы вы и сейчас живы. Писали бы в «Новом Журнале», «Новом Русском Слове», и так как вы много моложе нас, принимали бы из рук старших, коих недолго уж век, завет свободы, человечности, творчества — всего наследия литературы нашей. — Но вас не выслали. «Абрам Эфрос, искусствовед, пропал без вести». Вспоминаю вас — оплакиваю»¹⁴.

Спустя восемь лет после его смерти Ахматовой напомнил о нем посетитель: «...я рассказал Анне Андреевне о моем знакомстве с ее

¹³ Стенограмма доклада О.Д. Калугина // Государственная безопасность и демократия. М.: Гласность, 1993. № 3. С. 51. (Информационный бюллетень международной конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра»).

¹⁴ *Зайцев Б.* Дни. Другие и Марина Цветаева // Русская мысль. 1951. 16 февраля.

неопубликованной и не собранной в книги лирикой 1924–1946 годов, как и с “Поэмой без героя” в Ташкентской редакции, по машинописи из собрания А.М. Эфроса. Я опять-таки ожидал какой-то реакции на имя моего покойного учителя, профессора Эфроса, преданного в конце 40-х годов вместе с “бывшим другом” Ахматовой Н.Н. Пуниным официальной анафеме как представителя космополитического буржуазного искусствознания. Анна Андреевна полуспросила, полуконстатировала: “Вы его знали...” примерно таким же тоном, каким она произносила свое знаменитое: “Вы так думаете?..” и разговора не продолжила (а между тем они с Эфросом были знакомы с начала 20-х годов, сотрудничали в “Русском современнике” и в “Academia” и встречались вплоть до послевоенных лет). “Произошло какое-то переосмысление отношений задним числом”, — почувствовал я и впоследствии, прочитав “Вторую книгу” Мандельштам, подумал, что “пакостница” (Н. Харджиев) Надежда Яковлевна внесла в это свою лепту» [16, 28–29]. Предположение посетителя правдоподобно: О.Э. Мандельштам как-то в 1933 г. «заметил, что Эфроса редко кто любит»¹⁵, «Эфроса, всегда казавшегося человеком мефистофельской складки»¹⁶.

«Очки, наглая борода и чувственные губы завсегда банкетов, премьер и вернисажей, ввертливый Абрам Эфроса» [8, с. 389] заслонили для многих современников немалочисленные достоинства этого человека.

Список литературы

1. Баркова А. Письма к П.А. и М.Н. Кузько (1940–1947) / публ. О.К. Переверзева // *De visu*. 1994. № 5/6. С. 49–62.
2. Варава Б. Воспоминания сибирского книжника и антикара (в поисках Серебряного века). М.: Среди коллекционеров, 2013. 234 с.
3. Генрих Ягода: Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности: Сборник документов / сост. В.К. Виноградов и др.; научн. ред. А.Л. Литвин. Казань: Участок оперативной полиграфии ТПП «КРИСТА», 1997. 542 с.
4. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. 849 с.
5. Левинсон А. Анна Ахматова — русская Марселина / вступ. заметка Р. Тименчика // *Литературное обозрение*. 1989. № 5. С. 52–56.

¹⁵ Это высказывание и общий очерк взаимоотношений см.: [11, с. 38–52], ср.: [5, с. 569].

¹⁶ Мемуар Н. Кузьмина «Ольга Гильдебрандт» [17, с. 154].

6. *Лекманов О.* Эфрос А.М. // Мандельштамовская энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. С. 569.
7. *Лукницкий П.Н.* Дневник 1928 года / публ. и комм. Т.М. Двинятиной // Лица. Биографический альманах. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 9. С. 341–495.
8. *Любимов Н.М.* Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 1. 411 с.
9. *Мандельштам Н.* Воспоминания. М.: Книга, 1989. 483 с.
10. *Найман А.* Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989. 302 с.
11. *Нерлер П.* Мандельштам и Эфрос: о превратностях нетворческих пересечений // Наше наследие. 2015. № 114. С. 38–52.
12. *Поберезкина П.Е.* Вокруг Ахматовой. М.: Азбуковник, 2015. 320 с.
13. Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии / публ., сост. Н.В. Клычковой, вступ. ст., коммент. С.И. Субботина // Новый мир. 1989. № 9. С. 103–224.
14. *Субботин С.И.* Иван Васильевич Евдокимов: из дневников и записных книжек // Текстологический временник: Русская литература XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 3. С. 449–486.
15. *Тименчик Р.* Путеводитель по «Записным книжкам» Ахматовой // Пермьяковский сборник. М.: Новое издательство, 2010. Ч. 2. С. 561–617.
16. *Толмачев М.* Бутылка в море: Страницы литературы и искусства. М.: Д. Аронов, 2002. 558 с.
17. Художники группы «Тринадцать»: (Из истории художественной жизни 1920–1930-х гг.) / сост., вступ. ст. М.А. Немировской. М.: Сов. художник, 1986. 216 с.
18. *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие, 1997.
19. *Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Терра, 2006. Т. 12. 660 с.

Статья поступила в редакцию: 25.04.2020

Одобрена после рецензирования: 19.07.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Research Article

From the Index to Akhmatova's "Notebooks": A. Efros

© 2020. Roman D. Timenchik

The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel

Abstract: An essay from the author's cycle "From the Index to Akhmatova's 'Notebooks' ", opening the fifth dozen in a series of similar ones, demonstrates an attempt of extensive commentary on Akhmatova's working notes, organized around the names of characters present on the pages of her notebooks, a kind of free Akhmatova encyclopedia, where different times of her long life are combined in an onomasticon. A commentary of this kind snatches out representative fragments of Akhmatova's epoch, but the degree of presence or absence of different persons in the index do not always reflect their weight in Akhmatova's biography. This essay is dedicated to the art critic, poet, Pushkinist Abram Efros.

Keywords: Anna Akhmatova, A.M. Efros, commentary, notebooks, biography.

Information about the author: Roman D. Timenchik, PhD in Philology, Professor, The Hebrew University of Jerusalem, HUJI, Jerusalem 91904, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com

For citation: Timenchik, R.D. "From the Index to Akhmatova's 'Notebooks': A. Efros." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 292–303. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-292-303>

References

1. Barkova, A. "Pis'ma k P.A. i M.N. Kuz'ko (1940–1947)" ["Letters to P.A. and M.N. Kuzko (1940–1947)"], publ. by O.K. Pereverzev. *De visu*, no. 5/6, 1994. pp. 49–62. (In Russ.)
2. Varava, B. *Vospominaniia sibirskogo knizhnika i antikvara (v poiskakh Serebrianoogo veka)* [*Memoirs of a Siberian Bibliophile and Antiquarian (in Search of the Silver Age)*]. Moscow, Sredi kollektionerov Publ., 2013. 234 p. (In Russ.)
3. *Genrikh Iagoda: Narkom vnutrennikh del SSSR, General'nyi komissar gosudarstvennoi bezopasnosti: Sbornik dokumentov* [*Genrikh Yagoda: People's Commissar of Internal Affairs of the USSR, General Commissioner of State Security: Collection of Documents*], comp. by V.K. Vinogradov et al., sci. ed. A.L. Litvin. Kazan', Uchastok operativnoi poligrafii TPP "KRISTA" Publ., 1997. 542 p. (In Russ.)
4. *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)* [*Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)*], comp. and text prep. by K.N. Suvorova, entry art. E.G. Gerstein, scientific advice, introd. to notebooks, indexes by V.A. Chernykh. Moscow, Torino, Einaudi Publ., 1996. 849 p. (In Russ.)

5. Levinson, A. “Anna Akhmatova — russkaia Marselina” [“Anna Akhmatova — Russian Marceline ”], publ., introd., notes by I. Staf. *Literaturnoe obozrenie*, no. 5, 1989, pp. 52–56. (In Russ.)
6. Lekmanov, O. “Efros A.M.”. *Mandel'shtamovskaia entsiklopediia [Mandelstam Encyclopedia]*, vol. 1. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2017, pp. 569. (In Russ.)
7. Luknitskii, P.N. “Dnevnik 1928 goda” [“Diary of 1928 ”], publ. and comm. by T.M. Dvinyatina. *Litsa. Biograficheskii al'manakh [Faces. Biographical almanac]*, issue 9. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 341–495. (In Russ.)
8. Liubimov, N.M. *Neuviadaemyi tsvet. Kniga vospominanii [Fadeless Color. Book of Memoirs]*, vol. 1. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2000. 411 p. (In Russ.)
9. Mandel'shtam, N. *Vospominaniia [Memoirs]*. Moscow, Kniga Publ., 1989. 483 p. (In Russ.)
10. Naiman, A. *Rasskazy o Anne Akhmatovoi [Stories about Anna Akhmatova]*. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1989. 302 p. (In Russ.)
11. Nerler, P. “Mandel'shtam i Efros: o prevratnostiakh netvorcheskikh peresechenii” [“Mandelstam and Efros: on the Vicissitudes of Non-Creative Intersections”]. *Nashe nasledie*, no. 114, 2015, pp. 38–52. (In Russ.)
12. Poberezkina, P.E. *Vokrug Akhmatovoi [Around Akhmatova]*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015. 320 p. (In Russ.)
13. Sergei Klychkov: *Perepiska, sochineniia, materialy k biografii [Sergey Klychkov: Correspondence, Works, Materials for Biography]*, publ., comp. by N.V. Klychkova, introd., comm. by S.I. Subbotin. *Novyi mir*, no. 9, 1989, pp. 103–224. (In Russ.)
14. Subbotin, S.I. “Ivan Vasil'evich Evdokimov: iz dnevnikov i zapisnykh knizhek” [“Ivan Vasilievich Evdokimov: from Diaries and Notebooks”]. *Tekstologicheskii vremennik: Russkaia literatura XX veka [Textology Chronicle: Russian Literature of the 20th Century]*, book 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 449–486. (In Russ.)
15. Timenchik, R. “Putevoditel' po 'Zapisnym knizhkam' Akhmatovoi” [“A guide to Akhmatova's 'Notebooks'.”]. *Permiakovskii sbornik [Permyakov Collection]*, part 2. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2010, pp. 561–617. (In Russ.)
16. Tolmachev, M. *Butylka v more: Stranitsy literatury i iskusstva [A Bottle in the Sea: Pages of Literature and Art]*. Moscow, D. Aronov Publ., 2002. 558 p. (In Russ.)
17. *Khudozhniki gruppy “Trinadtsat'”: (Iz istorii khudozhestvennoi zhizni 1920–1930-kh gg.) [Artists of the “Thirteen” Group: (From the History of Artistic Life of the 1920–1930s)]*, comp., introd. by M.A. Nemirovskaya. Moscow, Sovetskii Khudozhnik Publ., 1986. 216 p. (In Russ.)
18. Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi: v 3 t. [Notes about Anna Akhmatova: in 3 vols.]*. Moscow, Soglasie Publ., 1997. (In Russ.)
19. Chukovskii, K. *Sobranie sochinenii: v 15 t. [Collected works: in 15 vols.]*, vol. 12. Moscow, Terra Publ., 2006. 660 p. (In Russ.)

The article was submitted: 25.04.2020

Approved after reviewing: 19.07.2020

Date of publication: 25.09.2020